

На правах рукописи

МАКУРИНА НАДЕЖДА АНДРЕЕВНА

ПАРОДИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

Специальность 10.01.01 – Русская литература

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

кандидата филологических наук

Ижевск – 2018

Работа выполнена на кафедре русской и зарубежной литературы федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет».

Научный руководитель: **Ребель Галина Михайловна,**

доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы ФГБОУ ВО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет»

Официальные оппоненты: **Борисова Валентина Васильевна,**

доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской литературы ФГБОУ ВО «Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы»

Рубцова Наталья Сергеевна,

кандидат филологических наук, доцент кафедры истории русской литературы и теории литературы ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»

Ведущая организация: ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет»

Защита состоится 08 июня 2018 года в 10.00 на заседании диссертационного совета Д. 212.275.09 при ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет», 426034, г. Ижевск, ул. Университетская, 1, корп. 2, ауд. 203.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке по адресу: 426034, г. Ижевск, ул. Ломоносова, 4б. Автореферат размещен на официальном сайте Минобрнауки РФ <http://vak.ed.gov.ru> и на официальном сайте ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет» <http://lib.udsu.ru/>

Автореферат разослан «__» _____ 2018 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

О. В. Зуга

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Настоящая диссертация посвящена исследованию пародии в творчестве Ф. М. Достоевского. Первым по времени пародийным произведением Достоевского следует считать повесть «Село Степанчиково и его обитатели» (1859), параллельно появляется насыщенная пародийными образами и смыслами повесть «Дядюшкин сон» (1859), а далее пародия как жанрово-стилистическая составляющая художественного мира, как принцип создания художественного образа или как одна из граней его становится важной и неотъемлемой частью эстетической стратегии Достоевского, одним из принципов художественного преломления жизненного материала.

В рамках диссертационного исследования невозможно осветить все пародийные явления в творчестве Достоевского во всем многообразии и сложности их художественных воплощений, соответственно был сделан отбор наиболее очевидного и репрезентативного в рамках темы материала.

Объектом нашего исследования являются следующие произведения Ф.М. Достоевского: повести «Дядюшкин сон» (1859), «Село Степанчиков и его обитатели. Из записок неизвестного» (1859), романы «Преступление и наказание» (1866), «Идиот» (1868), «Бесы» (1871 – 1872).

Предметом исследования являются пародийные образы и смыслы указанных произведений.

Степень научной разработки проблемы.

Пародийная направленность творчества Ф. М. Достоевского во многом была predetermined обстоятельствами начала его литературного пути, в частности, высокой оценкой – «новый Гоголь»¹, высказанной Н. А. Некрасовым и поддержанной В. Г. Белинским. Имя Гоголя, воспринимаемое прежде только как имя великого художника, становится для Достоевского мерилom собственного литературного таланта, вызовом судьбы, ответом на который может быть только превосходство. Связь с Гоголем и Белинским становится для Достоевского творчески и жизненно

---

¹ Скатов Н.Н. Некрасов. М.: Молодая гвардия, 2004. С. 103.

определяющей, драматически скрепленной чтением на собрании петрашевцев «Письма к Гоголю» Белинского.

Находясь в сибирской ссылке, Достоевский практически перестал существовать для русской литературы, которая тем временем продолжала свое активное развитие и рост. Преодолеть пропасть вынужденного десятилетнего молчания можно было, только предъявив читателям произведения нового качества, то есть, по замечанию Л. И. Сараскиной, представ перед ними как «новый Достоевский, а не “новый Гоголь”»². Особые надежды в этом плане Достоевский возлагал на повесть «Село Степанчиково и его обитатели». Однако и профессионалы-литераторы, и искушенные читатели встретили повесть без воодушевления. Тем не менее, пародийный характер произведения был отмечен современниками сразу – известно высказанное А. А. Краевским мнение о связи образа Фомы Опискина с Гоголем. Научную разработку эта идея получит только в XX веке – в работе Ю. Н. Тынянова «Достоевский и Гоголь (К теории пародии)» (1921), с которой и началось изучение пародийных смыслов творчества Достоевского.

Повесть «Село Степанчиково и его обитатели» рассматривается Тыняновым как пример простой литературной пародии, второй план которой ограничен одним произведением – «Выбранными местами из переписки с друзьями». Идеи Тынянова впоследствии были значительно дополнены и уточнены. Представления об объекте пародии в повести расширены в работах В. В. Виноградова, Б. М. Гаспарова. В исследованиях В. А. Туниманова, Е. А. Трофимова подчеркивается мысль о том, что «Выбранные места из переписки с друзьями» используются Достоевским только благодаря их общей тональности и не нацелены на личность Гоголя. Несогласие с традицией рассматривать Опискина через призму позднего Гоголя выражают Ю. И. Селезнев, Г. М. Фридлиндер. О наличии в повести криптопародийного плана, скрытой пародии на социалистов-утопистов,

---

² Сараскина Л.И. Достоевский. М.: Мол. гвардия, 2011. С. 327.

пишет С. А. Кибальник. Значимые параллели между образом Фомы Опискина и его литературным прототипом – Тартюфом проведены в работах Л. П. Гроссмана, М. П. Алексеева, К. В. Мочульского. Мысль об общей природе образов Опискина и Тартюфа поддерживается и Р. Г. Назировым.

Поиску и анализу литературных источников повести посвящены исследования А. В. Архиповой, Б. Г. Реизова, М. С. Гуса, Л. М. Лотман, Е. А. Трофимова. Мысль о том, что выведенные в тексте «Села Степанчикова» типы и характеры, сюжетные перипетии и ситуации, будучи переработаны и переосмыслены автором, нашли отражение в позднем романном творчестве Достоевского, разрабатывается в исследованиях К. В. Мочульского, В. А. Туниманова, М. Гиголашвили.

На произвольный самопародийный характер повести «Село Степанчиково» обращают внимание В. Н. Алёкин, Л. И. Сараскина, К. А. Баршт. Однако анализ повести в этом направлении задается много раньше – статьей Н. К. Михайловского «Жестокий талант».

Преимущественное внимание к исследованиям повести «Село Степанчиково и его обитатели» обусловлено их количественным преобладанием, а также тем, что именно отсюда вырастают многие пародийные стратегии последующего творчества писателя. При этом нами были изучены и привлечены к осмыслению темы исследования, осуществленные на материале других произведений Достоевского. Изучению пародийного плана рассказа «Крокодил» (1865) посвящены работы Н. Ф. Бельчикова, Н. С. Трубецкого, Е. И. Кийко, В. А. Туниманова. К вопросу о пародийных выпадах Достоевского против Тургенева в романе «Бесы» обращались Ю. А. Никольский, А. С. Долинин, Г. М. Ребель. Интересный ракурс рассмотрения темы пародии в творчестве Достоевского предложен в работе К. А. Степаняна «Юродство и безумие, смерть и воскресение, бытие и небытие в романе “Идиот”». Ученый рассматривает пародию как средство организации романной действительности и обнаруживает внутритекстовую пародию в романе «Идиот». С. И. Пискунова

указывает на то, что «выявленные К. Степаняном структурные особенности романа Достоевского по всем основным параметрам совпадают с поэтикой канонического образца романного жанра – “Дон Кихота”»³.

Несмотря на обилие литературоведческих размышлений на указанную тему, остаются расхождения относительно реальных объектов пародии в каждом отдельном случае, а также относительно механизмов возникновения и функционирования пародийных образов. Недостаточно выявлен и практически не описан в качестве пародийной фигуры В. Г. Белинский, который преимущественно рассматривается в литературоведении в контексте биографии Достоевского и как идеологический оппонент писателя после пережитого им мировоззренческого кризиса (работы В. Я. Кирпотина, К. В. Мочульского, Л. П. Гроссмана, В. С. Нечаевой, Ю. И. Селезнева, Л. И. Сараскиной).

Рассмотрение темы в историко-литературном аспекте потребовало предварительного осмысления самой теории пародии и разработки соответствующего терминологического аппарата.

Исходя из сказанного, были сформулированы **цель и задачи исследования.**

Цель нашего исследования: анализ принципов формирования и функционирования пародийных образов и смыслов в творчестве Ф. М. Достоевского.

Поставленная цель предполагает решение в ходе исследовательской работы ряда конкретных **задач:**

1. Уточнение положений теории литературной пародии; формирование и обоснование терминологического аппарата.
2. Углубление представлений о пародийном характере повести «Село Степанчиково и его обитатели» за счет описания

---

³ Пискунова С.И. «...Кроме нас вчетвером» («Идиот» в зеркале «Дон Кихота Ламанчского») // Пискунова С.И. От Пушкина до Пушкинского дома: очерки исторической поэтики русского романа. М.: Языки славянской культуры, 2013. С.96.

пародийного характера системы персонажей и сюжетно-композиционной организации произведения.

3. Уточнение и расширение доказательной базы, демонстрирующей связь между личностью Н. В. Гоголя, его сочинением «Выбранные места из переписки с друзьями» и героями и смыслами повести Достоевского «Село Степанчиково и его обитатели».
4. Дополнение и расширение списка прототекстов, составляющих «второй план» повести «Село Степанчиково и его обитатели».
5. Анализ пародийных отсылок к личности и идеям В. Г. Белинского в романах «Преступление и наказание» и «Бесы».
6. Анализ обратной пародии на героев повести «Село Степанчиково и его обитатели» в романах «Идиот» и «Бесы» на материале образов князя Мышкина и Степана Трофимовича Верховенского.

Материалом для диссертации послужили:

художественные произведения Ф. М. Достоевского: повести «Дядюшкин сон», «Село Степанчиково и его обитатели. Из записок неизвестного», романы «Преступление и наказание», «Идиот», «Бесы»; публицистические статьи и фельетоны «Дневника писателя»;

произведения русских писателей, составляющие литературный контекст первых послекаторжных повестей Достоевского: роман М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени», произведения Н. В. Гоголя «Ревизор» и «Выбранные места из переписки с друзьями», комедия А. С. Грибоедова «Горе от ума», роман И. А. Гончарова «Обломов».

Методологическая основа диссертации определяется многоаспектностью задач исследования. В работе комплексно были задействованы следующие методы литературоведческого исследования:

историко-литературный, структурный, стилистический, типологический анализ. Методологически наиболее значимыми для нас являются работы Ю. Н. Тынянова, А. А. Морозова, В. Л. Новикова, посвященные теории литературной пародии; выводы М. М. Бахтина и О. М. Фрейденберг о генезисе и функциях пародии и пародийного слова; терминологические обоснования явления внутритекстовой пародии, данные Н. Т. Рымарем и В. П. Скобелевым, и обратной пародии, описанной П. М. Бицилли. Важна в рамках нашего исследования и методология доказательства наличия в тексте криптопародийного плана, примененная С. А. Кибальником при сопоставлении романа Ф. М. Достоевского «Игрок» и личной переписки И. С. Тургенева.

Научная новизна. Тема пародии в творчестве Ф. М. Достоевского до сих пор исследовалась эпизодически: классикой стала работа Ю. Н. Тынянова о пародийном характере повести «Село Степанчиково и его обитатели», идеи Тынянова были подхвачены и углублены в работах целого ряда исследователей, – однако осуществленный нами в рамках нашего исследования анализ пародийного плана повести «Село Степанчиково и его обитатели» показал, что представления о сложности и многоаспектности заключенной в нем пародии могут быть расширены за счет изучения пародийных стратегий, реализованных в системе персонажей и сюжетно-композиционной структуре текста, а также за счет описания реминисцентных связей текста повести с произведениями не только Гоголя, но и Грибоедова, Лермонтова, Гончарова. Пародийный метатекст Достоевского, связывающий повесть «Село Степанчиково и его обитатели» с другими произведениями писателя, в частности с романами «Идиот», «Бесы», до сих пор был только пунктирно намечен в литературоведении. Проанализированные нами переключки между героями повестей «Село Степанчиково и его обитатели» и «Дядюшкин сон» и героями поздних романов Достоевского позволили ввести, обосновать и проиллюстрировать понятие обратной пародии, т.е. внести уточнение в теорию пародии. Впервые исследован вопрос о

пародийных смыслах романов «Преступление и наказание» и «Бесы» относительно личности В. Г. Белинского. Новым является и сам подход к теме: пародийность рассматривается не только относительно других текстов, но и как структурный принцип организации системы персонажей, композиции сюжета – т.е. внутритекстовое явление.

Актуальность исследования обусловлена недостаточной изученностью темы пародии в творчестве Достоевского, в то время как пародийность выступает одним из важнейших атрибутов художественной стратегии Достоевского, и без углубленного исследования этого явления невозможно адекватное и объективное описание художественного метода Достоевского. Актуальность исследования также обусловлена необходимостью внесения уточнений в теорию пародии.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, трех глав, разбитых соответственно на три, четыре и три параграфа, заключения и библиографии.

Научно-практическая значимость исследования определяется новизной и значимостью поставленных задач не только для достоевистики, но и для более глубокого и разностороннего изучения истории русской литературы XIX века, а также для теории литературы. Результаты исследования могут найти применение в последующих историко-литературных исследованиях творчества Достоевского, в исследованиях литературной пародии, а также в практике преподавания истории и теории литературы.

Основные положения, выносимые на защиту.

1. Внесены следующие уточнения и дополнения в теорию пародии. *Прямой пародии* противопоставлена *обратная пародия*. Для *прямой пародии* неотъемлемыми атрибутами являются снижающая, осмешняющая (юмористическая) или высмеивающая (сатирическая) функции. *Обратная пародия* не снижает, а возвышает, не осмешняет, а осерьезнивает, не дискредитирует, а реабилитирует объект, на который она направлена. Введен

рабочий термин «пародийная пара», фиксирующий неразрывную связь между текстами в рамках пародии.

Под текстом в данном случае понимается не только цельное художественное высказывание, но и элементы такового (например, различные персонажи одного произведения), а также «пародийная личность» (Тынянов), т.е. реальное лицо, ставшее объектом литературной пародии. *Прецедентным текстом* мы называем текст, появившийся первым и позднее получивший своего литературного «двойника» в варианте *прямой пародии* или *обратной пародии*. *Прототекст* – синоним выражения «прецедентный текст».

Предложены варианты классификации пародии по следующим признакам: 1) *по направленности на объект* – пародия, нацеленная на внеположные относительно автора явления и самопародия (автопародия); 2) *по авторской мотивировке* – осознанная и неосознанная пародия; 3) *по взаиморасположению пародируемого и пародийного объектов*: межтекстовая (интертекстуальная) и внутритекстовая пародия; 4) *по количеству пародируемых объектов*: простая и сложная (составная) пародия.

2. В качестве принципа организации системы персонажей и жанрово-структурной организации повести «Село Степанчиково и его обитатели» описан принцип пародийного взаимоотражения, мультиплицирования, дублирования. Система персонажей рассматривается как внутритекстовая, составная пародия, с элементами прямой пародии, обратной пародии и взаимопародии.

3. Предлагается следующее жанровое определение «Села Степанчиково и его обитателей» – *комическая повесть*. Драматургические приемы в организации системы персонажей и построении сюжета доминируют, ни один из героев не достигает уровня сложности и многогранности героя романического, все персонажи остаются героями ситуаций и обстоятельств, исчерпываются изначальными характеристиками, не выходят из заданных ролей – поэтому произведение не может быть

квалифицировано как роман. Первая часть жанровой дефиниции – *комическая* повесть – актуализирует не только пародийный характер произведения, но и комедийность как драматургическую художественную стратегию, опирающуюся на традиции комедии положений, комедии нравов и отсылающую к структурно-содержательным особенностям комедии Н. В. Гоголя «Ревизор».

4. Список пародийных аллюзий к Гоголю и его сочинениям, а также характер функционирования их в тексте повести «Село Степанчиково и его обитатели» расширен и уточнен: описано пародийное мультиплицирование внешних и психологических черт Гоголя в портретах и характерах нескольких героев повести; указана пародийная параллель во взаимоотношениях между Опискиным и обществом Степанчикова, с одной стороны, и Гоголем и его окружением – с другой; расширены представления об объеме пародируемого материала за счет включения в пародийный план отсылок к ранним текстам Гоголя. Описано явление неосознанной обратной автопародии в рамках пародирования Достоевским гоголевских образов идеальной России и темы страданий.

5. В «резонансное пространство» (В. Топоров) повести «Село Степанчиково и его обитатели» включены ранее не рассматривавшиеся в этом контексте произведения, составляющие не только пародийный, но и более широкий реминисцентный план повести: романы И. А. Гончарова «Обломов», М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени», комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума», Н. В. Гоголя «Ревизор».

6. На основе анализа эпистолярного материала в качестве объекта литературной пародии в творчестве Достоевского предъявлен В. Г. Белинский. В образе Лебезятникова в романе «Преступление и наказание» и в образах нигилистов-шестидесятников в романе «Бесы» обнаружены пародийные переключки с идеологическими взглядами Белинского по вопросам социального устройства, семьи и брака, положения

женщины в обществе. Как и Гоголь, Белинский в данном случае рассматривается в качестве *пародийной личности*.

7. Явление *обратной пародии* описано и обосновано на материале образов князя Мышкина («Идиот») и Степана Трофимовича Верховенского («Бесы»). Соотнесение этих романских героев с героями комедийных повестей «Село Степанчиково и его обитатели» и «Дядюшкин сон» позволило показать, как снижающие и дискредитирующие черты комического (или сатирического) персонажа преобразуются в атрибуты героя противоположного – высокого, трагедийного – статуса.

Апробация работы. Тема диссертации была утверждена ученым советом федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет». Основные положения диссертации были апробированы на всероссийских и международных конференциях в период с 2013 по 2018 гг.: на V международном конгрессе «Русская словесность в мировом культурном контексте» в г. Москве (2014 г.), в Пермском государственном гуманитарно-педагогическом университете на конференциях для молодых исследователей «Молодая филология» (2015, 2016, 2017 гг.) и всероссийской конференции «Филология в пространстве современных гуманитарных исследований» (2016 г.); в Удмуртском государственном университете на международной научной конференции «Кормановские чтения – 2016», на ежегодных международных чтениях «Достоевский и мировая культура» в г. Санкт-Петербург (2015, 2016, 2017 гг.).

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** отражены предмет и объект исследования, дано описание степени изученности темы диссертации, обоснованы её актуальность, новизна и научная значимость, определена методология исследования, поставлены исследовательские цели и задачи.

В первой главе («Теоретические аспекты проблемы литературной пародии») осуществлен обзор материала по истории и теории литературной пародии, который позволил обозначить ряд теоретических проблем, связанных с формулировкой определения пародии и классификацией её типов: предложены уточняющие формулировки пародии, дополнительные варианты классификации пародии, описан терминологический аппарат.

В первом параграфе («Формалистская и социологизаторская теории пародии») дается характеристика двух подходов, обозначившихся в изучении литературного пародирования в первой половине XX века – формалистского и социологизаторского. Описаны основные положения теории пародии, выдвинутой Ю. Н. Тыняновым. Указано на принципиальные *идеологические* расхождения в оценке роли литературного пародирования между учеными-формалистами – Ю. Н. Тыняновым, В. Б. Шкловским, Б. М. Эйхенбаумом, В. В. Виноградовым – и представителями альтернативного направления с его явно выраженным социологическим подходом – Е. Гальпериной, А. Цейтлином, а также отмечена концептуальная перекличка между этими подходами (М. Эпштейн).

Проанализирована полемика по поводу комизма как атрибута пародии. С одной стороны, формула Тынянова о том, что «если пародией трагедии будет комедия, то пародией комедии может быть трагедия»⁴, – иными словами, в качестве пародийного может выступать не снижающий и осмешняющий, а возвышающий и «осерьезнивающий» ситуацию текст – поддерживается другими исследователями: Б. А. Бегаком, М. Н. Эпштейном; зарубежными литературоведами – Э. Ротермундом, Г. В. Габлером, В. Фройндом. В частности, с этой точкой зрения корреспондируют наблюдения О. М. Фрейденберг и М. М. Бахтина над древней пародией, в которой акцентируется не функция снижения как таковая, а парность «высокого» и «низкого» как разных граней бытия. С другой стороны, в

---

⁴ Тынянов Ю. Н. Достоевский и Гоголь (к теории пародии) // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 226.

современном литературоведении есть убеждение в том, что для пародии обязательны снижающая, осмешняющая и дискредитирующая функции относительно прецедентного текста (прототекста) (А. А. Морозов, С. Н. Тяпков, В. А. Полюдов). Во втором параграфе мы вновь возвращаемся к этой проблеме.

Во втором параграфе («Современное состояние изучения пародии») рассмотрены современные тенденции изучения явления литературного пародирования. В частности, описывается процесс реабилитации смехового начала в качестве обязательного атрибута пародии, обозначившийся с 1970-х в трудах М. Л. Гаспарова, В. И. Новикова. На современном этапе изучения пародии актуализируется мысль об особой роли читателя в адекватном восприятии второго плана пародийного произведения. Так, Новиковым внесены поправки в предложенную Тыняновым двухплановую структуру пародии: ученый предлагает выделять третий план, являющийся результатом узнавания, основанным на индивидуальном читательском опыте. Об особом рода конвенциональности между автором и читателем пародии высказываются А. А. Морозов, С. Н. Тяпков, В. П. Скобелев. О значении фонового знания в восприятии вторичных текстов, к которым, в том числе, относится и литературная пародия, пишут О. С. Ахманова, И. В. Гюббенет, М. В. Вербицкая. Современное литературоведение ставит проблему жанра литературной пародии: В. П. Скобелев обнаруживает в пародии признаки всех трех родов литературы; О. А. Сысоева высказывает предположение о метажанровой природе пародии; как матрица жизни и текста, как феномен человеческого бытия – то есть в самом широком смысле – пародия рассматривается в трудах Б. Д'Анджело, Н. Т. Рымаря, В. П. Скобелева, В. В. Бондаренко. Новое преломление представлений о литературной пародии связано с эпохой постмодерна – по мнению теоретиков постмодернизма Ф. Джеймисона, Р. Пойриера, на современном этапе развития культуры пародия перестает существовать и сменяется пастишем – имитацией пародии.

В третьем параграфе («Классификации пародий») выделены основные теоретические проблемы изучения литературного пародирования, внесены уточнения в теорию пародии, выработан терминологический аппарат исследования.

К числу проблем изучения литературной пародии, в первую очередь, относится отсутствие универсального и достаточного определения пародии, отсутствие общепринятой классификации, в полной мере отражающей признаки и функции литературной пародии.

Отсутствие конвенционального определения пародии, обусловлено, в частности, описанным в первых двух параграфах расхождением в понимании роли и места комического, снижающего начала в пародии. Опираясь на концепции Ю. Н. Тынянова о возможности трагедии быть пародией на комедию, М. М. Бахтина и О. М. Фрейденберг о двуплановой природе пародии, на суждения Б. А. Бегака, М. Н. Эпштейна, развивающих идеи Тынянова, на логику М. П. Бицилли и С. Г. Бочарова, предложивших соответственно два близких по значению термина – «обратная пародия»⁵ и «обратная проекция»⁶, мы пришли к осознанию необходимости различения *прямой пародии* и *обратной пародии*. Обязательным условием существования пародии как таковой является наличие *пародийной пары*, т.е. двух текстов, которые связаны друг с другом как «высокий» и «низкий» варианты воплощения одного и того же явления. При этом хронологически относительно друг друга эти парные явления могут меняться местами.

Соответственно можно говорить о двух видах пародии.

Для *прямой пародии* неотъемлемыми атрибутами являются снижающая, осмешняющая (юмористическая) или высмеивающая (сатирическая) функции.

---

⁵ Бицилли П. М. Державин – Пушкин – Тютчев и русская государственность // Сборник статей, посвященных П.Н. Милюкову. 1859–1929. Прага, 1929. С.360.

⁶ Бочаров С. Г. «О бессмысленная вечность!» От «Недоноска» к «Идиоту»//Роман Ф. М. Достоевского «Идиот»: современное состояние изучения. Сборник работ отечественных и зарубежных ученых под ред. Т.А. Касаткиной. М.: «Наследие», 2001. С. 132.

Обратная пародия, как и прямая, поддерживается парностью и взаимоотражением разноуровневых явлений – «низкого» и «высокого», но *обратная пародия* не снижает, а возвышает, не осмешняет, а осерьезнивает, не дискредитирует, а реабилитирует объект, на который она направлена.

В ходе выработки терминологического аппарата исследования нами было уточнено понятие *прецедентный текст*, в качестве которого может выступать не только текст конкретного художественного произведения, но и жанр, индивидуальный или общелитературный стиль, *пародийная личность* – на что указано уже в работах Ю. Н. Тынянова, а также внутритекстовые элементы, мысль о взаимном пародировании которых изложена в статьях Н. Т. Рымаря, В. П. Скобелева.

Решение задачи классификации литературной пародии основывалось на анализе уже имеющихся классификаций, предложенных Н. Ф. Остолоповым, А. А. Морозовым, Е. Гальпериной, М. М. Бахтиным, М. Л. Гаспаровым, А. И. Чагиным и предложенных нами определениях пародии. В нашем варианте классификация пародии осуществляется по следующим признакам: 1) *по направленности на объект* – пародия, нацеленная на внеположные относительно автора явления и самопародия (автопародия); 2) *по авторской мотивировке* – осознанная и неосознанная пародия; 3) *по взаиморасположению пародируемого и пародийного объектов*: межтекстовая (интертекстуальная) и внутритекстовая пародия; 4) *по количеству пародируемых объектов*: простая и сложная (составная) пародия. Заметим, что все указанные здесь варианты классификации распространяются на оба пародийных случая, т.е. и на прямую, и на обратную пародию.

Вторая глава («Пародия как инструмент формирования художественного целого в повести Ф. М. Достоевского «Село Степанчиково и его обитатели») посвящена изучению функционирования пародии на разных уровнях художественного текста в повести Ф. М. Достоевского «Село Степанчиково и его обитатели».

В первом параграфе («Пародийный характер системы персонажей») осуществлен анализ системы персонажей повести, который показал, что находящийся в центре персонажной системы герой, Фома Фомич Опискин, вписан в пародийную систему зеркальных отражений и взаимоотражений, образующих *сложную (составную) внутритекстовую пародию и взаимопародию*: нравственные качества, детали биографии, социальный статус героя множатся, мультиплицируются, в той или иной мере проявляясь в других персонажах. Расподобляясь, образ Фомы рассеивается по всей персонажной системе; одновременно сам Фома в укрупненной, усугубленной форме пародийно воплощает то, что содержат и возвращают в себе другие герои. Это обстоятельство отменяет его претензию на уникальность, раскрывает его шутовскую «вторичность», и вместе с тем – подтверждает актуальность фигуры самозваного шута, явление которого спровоцировано самим обществом. Нами внесены уточнения в представления о природе шутовства героев Достоевского, впервые подробно описанной Ю. И. Айхенвальдом: отметив контрастный относительно Опискина шутовской характер фигуры полковника Ростанева, мы показали, что в данном случае шутовство не восходит к опыту лишений и страданий, а является результатом веры в природное благородство человека и безоговорочного принятия гуманистических установок. Здесь впервые находит образное воплощение полемика по отношению к концепциям социалистов мысль Достоевского о сложности человеческой природы, не сводимой к влиянию среды.

Во втором параграфе («Жанрово-конструктивные особенности повести») осуществлен анализ жанровых особенностей и композиции сюжета повести «Село Степанчиково и его обитатели». Сюжетно-композиционная организация повести, как и её персонажная система, имеет признаки классической *внутритекстовой составной пародии*, основанной на отношениях *взаимопародирования*. Опираясь на литературоведческую традицию сопоставления повести с комедией Ж.-Б. Мольера «Тартюф» и др.

драматическим произведениями, запечатленную в работах М. П. Алексеева, К. В. Мочульского и комментариях А. В. Архиповой и др., на уровне композиции сюжета повести мы обнаружили опору Достоевского на жанровые особенности комедии нравов и комедии положений, отсылки к комедии Гоголя «Ревизор». Мультиплицирование структуры эпизода с включенной в него «немой сценой», как и мультиплицирование в организации системы персонажей, – способ создания внутритекстовой пародии уже на сюжетно-композиционном уровне. В отличие от Ю. Н. Тынянова, К. В. Мочульского, Б. М. Гаспарова, Л. И. Сараскиной, В. Н. Захарова, называющих «Село Степанчиково» романом, мы определяем жанровую природу «Села Степанчикова» следующим образом: *комическая повесть*. Основанием для этого является доминирование драматургических комедийных приемов, исчерпанность героев изначально заданными характеристиками, функционирование их в рамках отведенных изначально ролей. Подчеркнем, что определение «комическая» отсылает не только к пародийной, смеховой природе повести, но и устанавливает связь с комедийностью как драматургической стратегией.

В третьем параграфе («Аллюзии к личности и творчеству Н. В. Гоголя в повести “Село Степанчиково и его обитатели”») мы расширили список пародийных отсылок к личности и творчеству Н. В. Гоголя, сравнительно с тем, что было предъявлено Ю. Н. Тыняновым, при этом отказавшись от тыняновского определения повести – *простая пародия*. Под простой пародией Тынянов понимал пародию на один текст. Между тем, в данном случае, налицо *сложная (составная)* пародия – не только на «Выбранные места из переписки с друзьями», но и на ранние тексты Гоголя, в частности на его литературно-критическую полемику с оппонентами. Пародийная личность Гоголя в повести опять-таки мультиплицируется – отражается не только в образе Фомы Опискина, но и в образах других героев (в том числе и второстепенных): портретные, психологические и даже биографические черты Гоголя, положение и

отношения в обществе, «раздаются» целому ряду персонажей. Пародия на Гоголя, как и пародийные принципы организации системы персонажей и композиции повести, обнаруживают признаки *самопародии*: пародируя «Переписку» Гоголя, Достоевский создает *автопародию* на себя будущего, которая в данном случае носит *непроизвольный* характер.

В четвертом параграфе («Реминисцентный характер повествования») описан творческий диалог Достоевского с актуальными для него в момент создания повести «Село Степанчиково» произведениями литературы, дано расширение реминисцентного поля повести «Село Степанчиково и его обитатели».

Помимо указанных ранее в работах А. В. Архиповой, Б. Г. Реизова, М. С. Гуса, Л. М. Лотман, Е. А. Трофимова отсылок к различным прототекстам, мы обнаружили аллюзии к произведениям, до сих пор не рассматривавшимся как возможные прототексты «Село Степанчиково», а именно – отсылки к романам И. А. Гончарова «Обломов», М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени», комедиям А. С. Грибоедова «Горе от ума», Н. В. Гоголя «Ревизор». Связь с названными текстами не всегда имеет пародийную окраску, но обозначенные нами аллюзии и реминисценции служат дополнительным подтверждением богатства интертекстуального плана произведения, которое в творчестве Достоевского выступает в качестве своего рода пробы сил – в рамках диалога-полемики (в том числе в пародийной форме) с литературой недавнего прошлого и выработкой собственной стратегии. Сознательное транспонирование чужого слова, образов и мотивов в систему пространственно-временных координат своего произведения, игровой характер обращения к прототекстам становятся дополнительными доказательствами того, что перед нами *составная (сложная) пародия*.

В третьей главе («Прямая и обратная пародия в творчестве Достоевского») проанализированы два варианта пародии,

терминологические определения которых даны в первой главе исследования: прямая и обратная пародия.

В первом параграфе (**«Пародийные вариации на тему В. Г. Белинского»**) прямая пародия рассматривается на материале пародийной личности Белинского в романах «Преступление и наказание» и «Бесы». Пародийные смыслы романов «Преступление и наказание» и «Бесы», отсылающие к Белинскому, сосредоточены в образах нигилистов-шестидесятников, в которых, на наш взгляд, совмещена пародия на них самих и на их идейного предтечу и вдохновителя – В. Г. Белинского.

По способу создания пародия на Белинского отчасти повторяет пародию на Гоголя в «Селе Степанчикове», однако в данном случае Достоевский опирается не столько на опубликованный текст, сколько на свой опыт общения с Белинским, на знание и понимание идеологических установок критика, что позволяет ему «угадать» содержание личной переписки Белинского, которое, в отличие от «Выбранных мест из переписки с друзьями», не могло быть Достоевскому доступно. Привлечение в качестве прецедентного текста неизвестных Достоевскому эпистолярных материалов методологически опирается на аналогичный опыт С. А. Кибальника, исследующего пародии на И. С. Тургенева в романе «Игрок». Пародия на Белинского, как и пародия на Гоголя, может быть квалифицирована как *сложная межтекстовая пародия*, имеющая *самопародийный* потенциал.

Во втором параграфе (**«Пародийное соотношение персонажей повестей “Село Степанчиково и его обитатели” и “Дядюшкин сон” и князя Мышкина»**) исследуется пародийная связь между персонажами повестей 1859 года и образом князя Мышкина.

Обозначенная в работах И. А. Битюговой, Н. О. Лосского, Э. Эгеберга, М. Н. Эпштейна характерологическая общность Ростанева и Мышкина, а также указанное Г. М. Ребель родство между князем Мышкиным и князем К. позволяют нам рассматривать князя Мышкина как обратную пародию на героев повестей 1859 года.

Сопоставление полковника Ростанева и князя Мышкина позволило обнаружить множество переключек между ними на разных уровнях – от лексического до смыслового. Князь Мышкин повторяет те же словечки, которые характерны для Ростанева («отрапортоваться», «срезаться»), он так же добр и бескорыстен, он произносит похожие прекраснотушные речи, но если в случае Ростанева эти элементы его автохарактеристики окрашены в юмористические тона, то в случае Мышкина комическое не имеет пародийного характера, не отсылает к прототексту и выполняет совершенно другую функцию – усиления трагического. Именно это, в частности, происходит со смешным «школьным» словечком «срезался», которое в контексте романа «Идиот» оказывается в едином семантическом поле со зловещим словом «зарезать», которое и становится одной из лексических доминант романа. Прекраснотушный Ростанев в варианте Мышкина поднимается на другой иерархический уровень, с отсылками к Христу и Дон Кихоту, и в полной мере проявляет свой трагический потенциал.

Комедийный персонаж повести «Дядюшкин сон» – князь К., вокруг которого мордасовскими дамами плетутся матримониальные интриги, не менее очевидный, текстуально верифицируемый «низкий» прототип «положительно прекрасного человека» князя Мышкина, оказавшегося в роли желанного и в то же время «совершенно невозможного» жениха для героинь романа-трагедии «Идиот».

Связывают эти тексты между собой и мотив вины, мотив рыцарства, мотив каллиграфии. Любопытно при этом, что способности к каллиграфии являются отличительной чертой героя «Села Степанчикова» лакея Видоплясова, от которого, в свою очередь, смысловые нити тянутся одновременно и к «положительно прекрасному» князю Мышкину, и к отцеубийце Смердякову.

Таким образом, пародийность Мышкина относительно Ростанева и князя К. – обратная: знакомые черты в новом контексте наполняются новым – трагедийным – содержанием.

В третьем параграфе («**Фома Опискин как пародийная заготовка образа Степана Трофимовича Верховенского**») явление *обратной пародии* рассматривается на материале повести «Село Степанчиково и его обитатели» и романа «Бесы», в котором обратной пародией относительно Фомы Опискина выступает Степан Трофимович Верховенский.

Героев роднит социальный статус (приживальщик при богатой вдове), отмечаемое рассказчиками «шутовство», несостоявшаяся литературная карьера (при грандиозных литературных планах), окутанное ореолом таинственности прошлое, ощущение причастности к идеям либерализма при совершенном непонимании народа и народности и даже литературные предпочтения – тайное увлечение французским романистом Поль де Коком. В обоих героях узнаются прототипы-литераторы. Используя черты, из которых конструируется образ Фомы Опискина, Достоевский спустя годы создает Степана Трофимовича Верховенского. Однако если Фома всей логикой текста дискредитируется как самозванный тиран, то Степан Трофимович Верховенский всей логикой текста в конечном счете оправдывается и возвышается в единственного живого героя романа «Бесы» (К. В. Мочульский) и в единственного целенаправленного и последовательного оппонента и обличителя «бесовщины» (Г. М. Ребель).

В данном случае, как и в случае, описанном в предыдущем параграфе, герой более позднего произведения, унаследовав очень многие черты своего «прототипа», выступает как «высокий» вариант воплощения «низкого» образа, что и квалифицируется нами как явление *обратной пародии*.

В **Заключении** суммированы результаты наблюдений и сформулированы основные итоги работы.

Выявленные нами в ходе диссертационного исследования пародийные стратегии в творчестве Достоевского отличаются многообразием и разноплановостью. Не претендуя на полный охват всего художественного наследия писателя, мы на отобранном для решения соответствующих задач художественном материале описали все типы пародии, обозначенные в

первой главе классификации: от простой прямой пародии до обратной произвольной самопародии.

Разумеется, тема не может быть исчерпана в рамках одного научного исследования, но, как нам кажется, заданные в данной работе направления изучения литературной пародии открывают перспективу дальнейшего изучения как творчества Достоевского в указанном ракурсе, так и творчества других авторов.

Основные положения диссертационного исследования изложены автором в следующих статьях, опубликованных в ведущих рецензируемых журналах, утвержденных ВАК РФ:

1. Нестюричева Н. А. Реминисцентное измерение повести Ф. М. Достоевского «Село Степанчиково и его обитатели» // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2013. №4. С. 25-32. (Авторский вклад 100 %)
2. Макурина Н. А. Трансформация пародийных образов в творчестве Ф. М. Достоевского: Фома Опискин как пародийная заготовка образа Степана Трофимовича Верховенского // Вестник Удмуртского университета. История и филология. Вып. 5, 2015. С. 124-129. (Авторский вклад 100 %)
3. Макурина Н. А. Пародийный характер обращения к образу В.Г. Белинского в романах Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» и «Бесы» // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2017. №5. С. 665-674. (Авторский вклад 100 %)
4. Макурина Н. А. «Обратная» пародия в творчестве Ф. М. Достоевского: Князь К. – полковник Ростанев – князь Мышкин // Филологический класс. 2017. № 4(50). С. 117-122. (Авторский вклад 100 %)

В других изданиях:

1. Нестюричева Н. А. Николай Гоголь и Фома Опискин: Полемика и / или пародия // Филолог. Вып. 19. URL:

http://philolog.pspu.ru/module/magazine/do/mpub_19_395 (Авторский вклад 100 %)

2. Нестюричева Н. А. Пародийный принцип организации системы персонажей в повести Ф.М.Достоевского «Село Степанчиково и его обитатели» // Филолог. Вып. 23. URL: http://philolog.pspu.ru/module/magazine/do/mpub_23_488 (Авторский вклад 100 %)
3. Макурина Н. А. Лингвостилистические средства создания пародийной картины мира в повести Ф.М. Достоевского «Село Степанчиково и его обитатели»// Филология в пространстве современных гуманитарных исследований: сб. ст. по матер. Всерос. с междунар. участием науч.-практич. Конф., посвящ. 95-летию Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета и 95-летию филологического факультета (г. Пермь, 24-25 ноября 2016 года) / ред. Кол.: сост. М.В. Куриленко; отв. Ред. И.И. Бакланова, глав. Ред. Е.А. Рябухина; Перм. Гос. Гуманит.-пед. Ун-т. – Пермь, 2016. С. 219-225. (Авторский вклад 100 %)